

Любовь Лукиша
Евгений Лукиш

КОГДА ОТСТУПАЮТ АНГЕЛЫ

ПОТОК ИНФОРМАЦИИ

Сразу же, как только Валерий Михайлович Ахломов показался на пороге редакционного сектора, стало ясно, что на планёрке ему крепко влетело от главного.

— Пользуетесь добротой моего характера! — в тихом бешенстве выговорил он. — Уму непостижимо: в рабочее время обсуждать польскую помаду! Что у меня, глаз нет? Я же вижу, что у всех губы фиолетовые.

Он отпер дверь кабинета и обернулся.

— Хотя... — добавил он с убийственной улыбочкой, — молодым даже идёт! — И покинул редсектор.

— Скажите пожалуйста!.. — немедленно открыла язвительный фиолетовый рот немолодая Альбина Гавриловна и спешно закашлялась: перед дверью кабинета, придерживая её заведённой за спину рукой, опять стоял Ахломов, но уже с вытаращенными глазами.

Возвращение его было настолько неожиданным, что не все успели удивиться, прежде чем он круто повернулся и пропал за дверью вторично.

— Младенца подкинули! — радостно предположила молодая бойкая сотрудница.

Язвительный фиолетовый рот Альбины Гавриловны открылся было, чтобы уточнить, кто именно подкинул, но не уточнил, а срочно зевнул, потому что Ахломов снова вышел... Нет, он не вышел — он выпрыгнул из собственного кабинета и, захлопнув дверь, привалился к ней лопатками.

Тут он понял, что все девять блондинок и одна принципиальная брюнетка с интересом на него смотрят, и заискивающе им улыбнулся. Затем нахмурился и, пробормотав: «Да, совсем забыл...» — поспешно вышел в коридор.

Там все ещё перекуривали Рюмин и Клепиков. Увидев начальника, они с сожалением затаились в последний раз, но начальник повёл себя странно: потоптался, глуповато улыбаясь, и неожиданно попрощался с сигареткой.

— Вы ж курить вроде бросали, — поразился юный Клепиков.

— Бросишь тут... — почему-то шёпотом ответил Ахломов, ломая вторую спичку о коробок.

Наконец он прикурил, сделал жадную затяжку, поперхнулся дымом, воткнул сигарету в настенный горшочек с традесканцией и решительным шагом вернулся в редсектор. Приотворил дверь кабинета и, не входя, долго смотрел внутрь, после чего робко её прикрыл.

— Что случилось, Валерий Михайлович? — участливо спросила Альбина Гавриловна.

Ахломов диковато оглянулся на голос, но смолчал. Не скажешь же, в самом деле: «Товарищи! У меня на столе какая-то железяка документацию листаёт!»

Внятный восторженный смешок сотрудниц заставил его вздрогнуть. И не блесни в дверях до боли знакомые всему отделу очки Виталия Валентиновича Подручного, как знать, не шагнул ли бы Ахломов, спасаясь от хихиканья подчинённых, навстречу металлической твари, осмысленно хозяйничающей на его столе.

А Подручный озадаченно моргнул — показалось, будто Ахломов обрадовался его приходу. Виталию Валентиновичу даже как-то неловко стало, что перед визитом сюда он успел пожаловаться на Ахломова главному инженеру.

— Вот, — протянул он стопку серых листов. — С двадцать первой страницы по сто пятнадцатую.

— Вы пройдите, — растроганно на него глядя, отвечал Ахломов. — Вы пройдите в кабинет. А я сейчас...

«А не прыгнет оно на него?» — ударила вдруг дикая мысль, но дверь за Подручным уже закрылась. Секунду Ахломов ждал всего: вскрика, распахнутой двери и даже почему-то возгласа: «Вы подлец!» — но ничего такого не произошло.

А может, некому уже распахнуть?!

Выпуклый апостольский лоб Ахломова покрылся ледяной испариной, и насмерть перепуганный заведующий отделом рванул дверь на себя.

Железяка стояла, сдвинутая на край стола, и признаков жизни не подавала. Подручный зловеще горбился над скопированной по его заказу документацией.

— Ну опять... — заныл и запричитал он, поворачивая к Ахломову разобитое лицо. — Смотри сам, Валерий Михайлович. Фон серый. РЭМы твои мажут. Мне же за этот захват голову снимут... А это! — И Подручный, к ужасу Ахломова, бесцеремонно ухватил железяку под квадратное брюшко так, что её четыре ноги нелепо растопырились в воздухе. — Это у тебя откуда, Валерий Михайлович?

Валерий Михайлович спазматически глотнул и, обойдя стол, тяжело сел на своё рабочее место.

— Что это такое? — хрипло спросил он, ткнув подбородком в сторону железяки.

— Да это ж он и есть!

— Кто «он»? — Ахломов постепенно свирепел.

— Автоматический захват для переноски стального листа. Макет в одну пятую натуральной величины. Безобразие... — забормотал Подручный, поворачивая железяку то так, то этак. — На глазок его делали, что ли? Пропорции не те, без замеров вижу. А к чему крепить?

— Короче, это ваше изделие? — Голос Ахломова не предвещал ничего хорошего.

— В том-то и дело! — закричал Подручный. — В том-то и дело, что такого заказа я мехмастерским не давал. Это либо самодеятельность, либо... — лицо его на секунду отвердело, — либо заказ был дан через мою голову.

«Через твою голову! — с ненавистью подумал Ахломов. — Не могло же мне три раза померещиться!»

Захват! Хорош захват, если буквально десять минут назад он собственными глазами видел, как этот, с позволения сказать, захват аккуратно перекладывал листы из одной пачки в другую, на мгновение задерживая каждый перед... бог его знает перед чем — глаз на железяке не было.

— Я этого так не оставляю! — с трудом потрясал железякой Подручный. — Я узнаю, чья это работа. Я сейчас в мехмастерские пойду!

«А потом к главному», — машинально добавил про себя Ахломов, с огромным облегчением наблюдая, как Виталий Валентинович в обнимку с железякой покидает его кабинет.

Конечно, если бы Ахломову дали опомниться, он бы испугался настоящего. Но вот как раз опомниться ему не дали — в дверь уже лезли заказчики.

И каждого надо было успокоить, каждого заверить, каждого спроводить.

* * *

Посещение Подручным мехмастерских ничего не дало. Филиппыч щёлкнул по железяке крепким широким ногтем и, одобрительно поцокав языком, с треском почесал проволочную седую шевелюру.

— Не наше, — с сожалением сказал он. — Заводская работа. Видите, шлифовочка? Суперфиниш!

Словечко это почему-то доконало Виталия Валентиновича. В его истерзанном служебными неприятностями мозгу возникла нелепая мысль: кто-то его подсиживает. Кому-то очень нужно, чтобы безграмотно выполненный макет его детища попался на глаза начальству в то время, когда отдел и без того срывает все сроки.

— Сейчас вы-ьясним, — бормотал он, поднимаясь в лифте на второй этаж, — выясним, кто это у нас такой самородок... Иван Кулибин... Суперфиниш, понимаете!..

Железяка с преданным видом стояла возле его правой ноги наподобие собаки пограничника.

* * *

Главный, подёргиваясь и жестикулируя, расхаживал по кабинету и, казалось, разговаривал сам с собой, не обращая внимания на Ахломова, который подсолнушком поворачивался на стуле за перемещающимся начальством.

— Что, нет у нас специалистов квалифицированных? — горько вопрошал главный. — Почему мы никогда не можем предъявить себя лицом? НИПИАСУ — может. ГПКТЬ, — отплевался он согласными, — может. А мы, видите ли... — и главный обаятельно улыбнулся, — не можем!

На секунду он задержался возле стола, с отвращением шевельнул стопку серых листов (с 21-й страницы по 115-ю) и вопрошающе обратил к Ахломову резное морщинистое лицо страдальца.

— Алексей Сергеевич, — преданно глядя на главного, сказал Ахломов, — это же мелочи...

— Да хороший вы мой! — в ужасе перебил его главный, воздев пухлые складчатые ручки. — Делая мелочь, мы должны делать эту мелочь так, чтобы посмотрели на эту мелочь и сказали: «Вот мелочь, а как сделана! Фирма!»

И, выпалив своё любимое словцо, главный устремился к дверям, где уже с минуту маячили очки и зеркально выбритые щёки Подручного.

— Вот! — воскликнул он, отбирая из рук Виталия Валентиновича давешний кошмар Ахломова. — Вот! Это я понимаю! Это профессионально!

И, не прерываемый ни Подручным, ни — тем более — вскочившим со стула Ахломовым, главный поставил терпеливую железяку на стол и принялся умиленно её осматривать.

— Это — фирма, — приговаривал он. — Это — на уровне. Можем, значит, когда захотим! Виталий Валентинович, что это такое?

— Да... мм... видите ли, — расстроенным голосом начал Виталий Валентинович, — это в некотором роде макет нашего автоматического захвата...

— Ну что я могу тут сказать! Это — фирма. С этим не стыдно и в министерство показаться. — Главный любовно снял с железяки пылинку и насторожился. — Слушайте, а зачем вы мне его принесли?

— Сделан-то он, конечно, старательно... — промямлил Подручный, чувствуя, что пришёл не совсем вовремя, — но размеры, Алексей Сергеевич, пропорции... Крайне неточно сделано.

Главный закатил огромную паузу, в течение которой скорбно смотрел на Подручного.

— Ну, я не знаю, товарищи, — вымолвил он, безнадёжно улыбаясь. — Или у нас нет квалифицированных специалистов...

Ахломов, не слушая, присматривался к железяке. Нет, как хотите, а не могло это двигаться. Единый кусок металла, монолит. Скорее уж обрезок рельсы поползёт на манер гусеницы. А лапы! Каждая на конце скруглена. Как можно такой лапой что-нибудь ухватить? Может быть, присоски? Показать невропатологу? Но ведь двигалось же оно, чёрт побери!

— А достижения?! — Главный уже бегал по кабинету. — Страшно смотреть, как они у нас нарисованы!

Железяка изумлённо шелкнула и зажужжала. Главный запнулся и укоризненно посмотрел на отпрянувшего от стола Ахломова.

— Виталий Валентинович, — позвал он, вновь повернувшись к железяке, — здесь можно что-нибудь исправить?

Вопрос застал Подручного врасплох.

— Н-ну, если здесь сточить, а тут приварить...

— Берите, — прервал его главный. — Берите ваш макет и несите его слесарям. Если это их работа — пусть переделают. Если нет — всё равно пусть переделают!

* * *

Подручный проклял тот час, когда потащился к главному, но обсуждать приказы было не в его характере, и вот он уже стоял в гулком коридоре подвала, держа в руках, как табуретку, эту металлическую нелепость, весившую, кстати сказать, не меньше десяти килограммов.

Слесарей на месте не оказалось, и опытный Подручный напрямик направился в мастерскую художника. Дверь мастерской — чудовищная, окованная железом дверь с пиратской табличкой «Не влезай — убьёт!» — была распахнута. Из проёма в коридор тянулся сизый слоистый дым, слышались голоса. Подручный бесшумно поставил свою ношу на бетонный пол и прислушался.

— Деревянный брус, на который кладётся рельса, — веселился тенорок слесаря Шуры. — Пять букв. Что бы это могло быть?

В мастерской жизнерадостно заржали.

— Картина, изображающая морской пейзаж. Шесть букв. Вторая — «а».

— Марина, — вкусно выговорил голос художника Королёва.

— Кто?

- Марина, пенёк.
- Та-ак. Бесхвостое земноводное, распространённое в нашей области. Саня, это по твоей части. Бесхвостое...
- Слышу. Лягушка.
- Ля-гуш-ка. Точно. Ты смотри! За что же тебя из института выперли?
- За хвосты.
- Вновь послышалось жизнерадостное ржание.
- По вертикали. Стихотворный размер. А у кого из нас диплом литератора? Чего молчишь, учитель? Завязывай с подошвами. Стихотворный размер...
- Сколько букв?
- Десять. Предпоследняя — «и».
- Амфибрахий.
- Амфибрахий или амфебрахий?
- Так, — сказал Подручный, входя. — Что, собственно, происходит?

Своим непосредственным делом был занят только художник Королёв. Склонившись над столом, он неистово трафаретил по синему фону поздравительного плаката жёлтые шестерёнки. Фотограф старательно вырезал из твёрдого пенопласта подошву изящных очертаний. Слесари Саня и Шура сидели верхом на стульях и дымили. Юный шалопай Клепиков из отдела Ахломова приник к карте мира в районе Панамского канала.

— А кто к нам пришёл! — восторженно завопил художник Королёв, не поворачивая головы. — Виталий Валентинович, выгоните этих тунеядцев. Работать не дают!

— Всё те же лица, — холодно заметил Подручный. — А что здесь делают слесаря?

— Нашёл! Вот она! — выкрикнул шалопай Клепиков, оборачиваясь. — Пиши: порт в Колумбии — Буэнавентура.

Тут он, понятно, осёкся.

— Кроссвордики, значит, разгадываем, — вазелиновым голосом подытожил Виталий Валентинович. — А главный инженер дозвониться не может. Саня! Шура! Ну-ка заканчивайте. Есть работа. Во-первых, знаком вам этот...

Подручный не договорил. Что в ту, что в другую сторону коридор был пуст. Железяка исчезла.

* * *

Если до этого момента путь предмета, принятого отдельными лицами за макет автоматического захвата, можно было обозначить непрерывной линией, то теперь он рисуется нам извилистым пунктиром или даже беспорядочной россыпью точек.

Так, две библиотекарши вспомнили, что с ними в лифте на четвёртый этаж поднималась уродливая болванка на четырёх ножках, об которую и были порваны французские колготки.

Группа сотрудников, спускавшаяся с шестого этажа в столовую, также засвидетельствовала наличие железяки в лифте. Мало того, двое из них признались, что в связи с теснотой они выставили железяку на третьем этаже, нехорошо о ней отозвавшись. Может, до, а может, после этого (разложить события по порядку так и не удалось) в отделе Подручного раздался возмущённый женский голос: «Кто мне поставил на „Бурду“ эту уродину?» Ответом был вялый голос из-за кульмана: «А-восемь. Убит». Там резались в морской бой.

Кроме Подручного, опознать предмет было некому. Но Виталий Валентинович в ту пору отчитывался перед главным в пропаже макета, так что после краткого разбирательства железяку вынесли на лестничную площадку, где она приняла посильное участие в перекуре. Иными словами, на неё сел один сотрудник, предварительно подстелив носовой платок. Железяка крикнула, но стерпела.

Забегая вперёд, скажем: если бы этот сотрудник знал, на что сел, он бы вскочил, как с раскалённой плиты, и зарёкся курить в рабочее время.

* * *

Главный возвращался из инспекционного набега на отдел тяжёлой полуавтоматики, когда удивительно знакомый неприятный голос с лестничной площадки изрёк невероятную фразу.

— Если мы делаем мелочь, — сказал голос, — мы делаем мелочь... мелочь... — Тут он запнулся, начал заикаться и очень неуверенно закончил: — Чем мельче, тем лучше. Фирма!

Главный остолбенел. Последовало слабое шипение, и сочный баритон инженера Бухбиндера произнёс:

— Как же им не гореть, если они Нунцию диссертацию делают? Редакторы компонуют, машбюро печатает, даже копирку запряг. Причём в таком строжайшем секрете, что уже всему институту известно.

— А сам он что же? — вмешался другой голос, обладателя которого главный не вспомнил.

— Кто? Лёша? Ты что, смеешься? Это тебе не докладную директору накатать.

Главный задохнулся от возмущения. Когда? Каким образом узнали? И кто бы мог подумать: Бухбиндер! «Ну я сейчас покажу вам Нунция», — подумал он, но тут произошло нечто совсем уже непонятное.

— Как же им не гореть, — снова заладил баритон, — если они Нунцию диссертацию делают? Редакторы компонуют, машбюро печатает, даже копирку запряг. Причём в таком строжайшем секрете...

И диалог повторился слово в слово, как будто кто-то дважды прокрутил одну и ту же запись. Запахло горелой изоляцией.

Главный вылетел на площадку и, никого на ней не обнаружив, стремительно перегнулся через перила. Виновных не было и внизу. Клокоча от гнева, он обернулся и увидел макет автоматического захвата, позорно утерянный Подручным.

Ворвавшись к себе в кабинет, главный потребовал Виталия Валентиновича к телефону.

— Вы нашли макет? — ядовито осведомился он. — Ну конечно... Почему я вынужден всё делать за вас? Представьте, нашёл... Нет, не у меня... А вот выйдите перед вашим отделом на лестничную площадку, и увидите.

Разделавшись с Подручным, главный достал толковый словарь и выяснил значение слова «нунций».

— Бухбиндера ко мне! — коротко приказал он и вдруг замер с трубкой в руке.

Он вспомнил, кому принадлежит тот неприятно дребезжащий голос, сказавший возмутительную фразу насчёт мелочей. Это был его собственный голос.

* * *

Тем временем девять блондинок и одна принципиальная брюнетка парами и поодиночке потянулись из столовой в редсектор.

— Глядите-ка! — радостно оповестила, входя, молодая бойкая сотрудница. — Опять Подручный свою табуретку принёс.

Вряд ли железяку привело к двери кабинета праздное любопытство. Скорее она надеялась досмотреть чертежи, от которых её оторвали утром. Но у Ахломова была странная манера запираť свой закуток на два оборота даже на время минутной отлучки.

— Вы подумайте: таскать тяжести в обеденный перерыв! — продолжала зубоскалить молодая особа. — Вот сгорит на работе — что будем делать без нашего Виталия Валентиновича?

— Успокойтесь, девочки, — отозвалась Альбина Гавриловна, обстоятельно устраиваясь на стуле. — Такой не сгорит. Это мы с вами сто раз сгорим.

Железяка слушала.

— Ни он, ни помощница его, — поддержала принципиальная брюнетка Лира Федотовна.

— А что, у Подручного заместитель — женщина? — робким баском удивилась новенькая.

— Перед тобой в очереди стояла. В белых брюках в обтяжку.

— Просто не понимаю! — Лира Федотовна возмущённо швырнула карандаш на стол. — В нашем возрасте носить брючный костюм!

Минут пять она возмущалась, потом немного остыла и снова взяла карандаш. В углу прекратила стук пишущая машинка.

— А Пашка Клепиков, — сказала машинистка, — опять вчера Верку из светокопии провожал. Маринка все утро проревела.

— Не по-ни-ма-ю! — Карандаш Лиры Федотовны опять полетел на стол. — Два месяца, как расписались! У них сейчас ласковое отношение должно быть друг к другу, а они...

Неожиданный вздох Альбины Гавриловны вобрал не менее трети воздуха в помещении.

— И зрелым женщинам хочется ласки, — мелодично сказала она. Железяка слушала.

Несколько минут работали молча. Потом молодая бойкая сотрудница подняла от бумаг восторженные глаза:

— А у жены Ахломова...

Несомненно, ей крупно повезло. Спустя секунду после того, как она нанесла последний штрих на семейный портрет любимого начальника, в дверях показался розовый носик лёгкого на помине Ахломова.

Ахломов увидел железяку. В следующее мгновение он уже был у себя в кабинете и с треском набирал номер:

— Подручного мне!

Редсектор замер.

— Где? У главного? — И через секунду — другим голосом: — Алексей Сергеевич, Подручный у вас? Скажите ему, пожалуйста, пусть придёт и заберёт свой макет... А у меня под дверью... А я не знаю... А это вы у него спросите... Жду, жду... А то об него спотыкаются, повредить могут.

Пришёл совершенно пришибленный Подручный и, воровато озираясь, унёс железяку к слесарям.

* * *

Слесарь Саня одиноко и неподвижно восседал на стуле в электрощитовой и через равные промежутки времени с хрустом зевал. В глазах его отражались лампочки.

— А где Шура? — спросил Подручный, войдя.

Саня медленно-медленно повернул голову и с неодобрением осмотрел вошедшего.

— Вышел, — апатично изронил он.

— Вышел? Ну ладно... Саня, вот это нужно довести до кондиции.

Саня с неодобрением осмотрел то, что принёс Подручный.

— Видишь, Саня, корпус прямоугольный, а его скруглить надо. — Виталий Валентинович был неприлично суетлив. — Вот эти уголки надо снять, а вот здесь мне потом сварщик крючочки приварит. Погоди, я тебе сейчас эскизик набросаю. Вот тут, тут и тут. И ради бога, Саня, — душераздирающе попросил Подручный, — как можно быстрее! Я тебе звонить буду.

Оставшись один, Саня некоторое время с упрёком смотрел на железяку, потом нехотя поднялся и пошел за напильником. Придя с инструментом, он прочно зажал одну из металлических ног в тиски, заглянул в эскизик, примерился и одним привычным движением сточил первый угол... Вернее, хотел сточить. Напильник скользнул, не оставив на корпусе ни царапины, и слесарь чуть не врезался в железяку челюстью. И тут произошло событие, заставившее Саню проснуться окончательно.

— И зрелым женщинам хочется ласки, — ответил лжезахват на прикосновение напильника голосом Альбины Гавриловны, а затем, открыв свободной лапой рукоятку тисков, спрыгнул на пол и с дробным цокотом убежал в коридор.

Саня ощутил острую боль в ноге и понял, что уронил напильник.

* * *

Самое время сообщить, что впоследствии, когда происшествием занялась группа компетентных лиц, однозначно ответить удалось лишь на два вопроса. Первое: случившееся не являлось массовой галлюцинацией. Второе: создать подобный механизм при современном уровне техники невозможно.

Далее шли одни предположения: может быть, аппарат был повреждён вследствие не совсем мягкой посадки; не исключено также, что он, образно выражаясь, захлебнулся в потоке противоречивой информации.

Были и иные толкования. Слесарь Саня, например, открыто утверждал, что пришелец из космоса, кибернетический разведчик, представитель внеземной цивилизации, попросту свихнулся, пытаясь разобраться, чем же, наконец, занимается учреждение.

Но в тот момент ему было не до гипотез. Схватив напильник, он выскочил в коридор. Что цокот ушёл влево, можно было не сомневаться. Но коридор был пуст. Из распахнутой двери художника доносился тенорок слесаря Шуры. Саня почувствовал острую потребность в общении. Он заглянул в мастерскую и обмер: лжезахват растопырился над кроссвордом.

— Основной вид гидромелиоративных работ, проводимых в нашей области... — бормотал он Шуриным голосом, нетерпеливо постукивая лапой по клеткам. — А у кого из нас диплом мелиоратора?

Саня побежал к лестничному пролёту. Ему позарез нужен был хотя бы один свидетель. Связываться с железякой в одиночку слесарю не хотелось.

Кто-то стремительно убегал вверх по лестнице. На повороте мелькнули брюки, несомненно принадлежащие художнику Королёву.

— Королёв!!! — заорал Саня и ударил напильником по прутьям перила, наполнив подвал звоном и грохотом. — Давай сюда! Скорей сюда!

Знакомый цокот заставил его со злобой швырнуть инструмент на пол. Лжезахват уходил вверх по противоположной лестнице.

А Королёв бежал и бежал, пока не уткнулся в чердачный люк. Он был так потрясён встречей с железякой, что даже не догадался свернуть на каком-нибудь этаже.

* * *

У Валерия Михайловича Ахломова было два настроения, два рабочих состояния. Находясь в первом, он настежь распахивал дверь в редсектор и бдительно следил из-за стола за поведением сотрудниц. В такие дни резко повышалась производительность труда. Во втором состоянии он наглухо запирался в кабинете и общался с отделом по внутреннему телефону.

Когда железяка, блистательно уйдя от Сани, вновь проникла в редсектор, дверь Ахломова была плотно закрыта. Правда, следует отметить, что на этот раз железяка и не пыталась к ней приблизиться. Видимо, имело место серьёзное нарушение логических связей, ведущее к полному распаду функций.

Несмотря на то что передвигалась она теперь не на цыпочках, а этаким кокетливым топотком, внимания на неё не обратили.

Весь отдел толпился у стола отпускницы Любочки. На Любочке была достойная зависти розовая кофточка, тонко оттенявшая ровный морской загар. Но то, что лежало на столе, вызывало в женщинах чувство иступления, переходящее в истому.

Это нельзя было назвать свитером, это нельзя было назвать кофточкой — светло-коричневое, цвета тёплого вечернего песка, окутанное нежнейшим золотистым пухом, оно доверчиво льнуло к робким женским пальцам, оно было почти живое.

Да что говорить — сама Любочка смотрела на принадлежащую ей вещь точно так же, как и остальные.

— Если бы не на два размера больше! — в отчаянии повторяла она.

— Воротник хомутиком, — зачарованно шепнули у её левого плеча. — И сколько?

Любочка назвала цену и предъявила этикетку.

— Хомутиком... — безнадежно отозвался тот же голос у её правого плеча.

— Ну-ка, покараульте кто-нибудь у входа, — решила Лира Федотовна, сбрасывая жакет. И, не сводя алчного взора с кофточки, пояснила: — Мой размер!

— А если Валерий Михайлович выйдет? — ахнула новенькая.

— Если закрылся — до самого звонка не выйдет, — успокоила Лира Федотовна, уже протягивая руку к кофточке, и вдруг приглушённо взвывла: — Да что ж вы на ноги-то наступаете?

— Покарауйте, покарауйте!.. — лихорадочно бормотала железяка, пробираясь по ногам вперёд.

Оттеснив соперницу, она со стуком взгромоздилась на стол и одним неуловимым движением — только ноги мелькнули! — напялила вещь.

Зрелище вышло кошмарное — что и говорить! Многоголосый женский визг напомнил вопль органа. Все бросились кто куда, и только Любочка — за железякой.

Коридор огласился хлопаньем дверей, ровным цокотом и криками, мужскими и женскими.

— Фир-рма! Буэнавентур-ра! — вопил голосом главного, пробегая по коридору в развевающейся кофточке, свихнувшийся киберразведчик. — Втирательство очков из семнадцати букв, четвертая — «о»!

Он звонко продробил по всем этажам учреждения, расплёскивая избыток бог знает где набранной информации. Обессиленная Любочка отстала на третьем. В воздухе ещё таял победный вопль: «Мелочь, а как сделана!» — когда она села на ступеньки и разрыдалась.

Прибывший на голос главного Подручный увидел бегущий по коридору макет автоматического захвата и растопырил руки, перекрывая ему дорогу. Но железяка, лихо поддёрнув полы, с молодецким криком «А кто к нам пришёл!» перепрыгнула через Виталия Валентиновича.

Он потерял её на втором этаже, где она попросту выскочила в окно и, согласно показаниям прохожих, пробежала по карнизу вдоль всего здания, подметая королевским мохером шпукатурку.

* * *

Ахломов, услышав вопли, ворвался в редсектор, не слушая объяснений, перекричал сотрудниц и, рассадив всех по рабочим местам, с треском закрылся в кабинете.

На подоконнике стояла железяка в грязной шерстяной хламиде.

Ахломов схватился за телефон.

— А жена у Ахломова, — внятно сказала железяка, — стерва та ещё... Так он себе в НИПИАСУ любовницу завёл.

* * *

Никто не знает, откуда она появилась. Никто не знает, куда она исчезла. И можно только предполагать, что теперь там о нас подумают.

Последнее, что услышал Ахломов, швырнув в железяку телефонную трубку, было:

— Королевский мохер — практично и сексапильно!..

ПРОБУЖДЕНИЕ

Он проснулся, чувствуя, что опаздывает на работу, и, конечно, первым делом разбил стакан. Это был уже четвёртый или пятый случай. Цилиндр тонкого стекла, задетый неловким движением, съехал на край стола, накренился и полетел на пол, кувыряясь и расплёскивая остатки приготовленной на ночь воды.

Он успел подхватить его на лету, но — увы — только мысленно. Как всегда. Вдобавок он не совсем проснулся, потому что в третий — смертельный — кувырок стакан вошёл с явной неохотой, на глазах замедляя падение, словно в отлаженном, выверенном и безотказном механизме ньютоновской теории тяготения что-то наконец заело.

Он оторопело встряхнул головой, и стакан, косо повисший в двадцати сантиметрах над полом, упал и с коротким стеклянным щелчком распался на два крупных осколка.

Чего только не случается между сном и явью! Оцепенеть от изумления было бы в его положении роскошью — он не успевал к звонку даже теоретически. Судя по характеру пробуждения, ему предстоял чёрный понедельник, а то и чёрная неделя. Неудачи, сами понимаете, явление стадное.

* * *

Когда, застёгивая пальто, он выбежал со двора на улицу, в запасе была всего одна минута. Правда, на остановке стоял трамвай, который милостиво позволил догнать себя и вскочить на заднюю площадку, но это ещё ни о чём не говорило. Либо трамвай неисправен, либо сейчас обнаружится, что во второй кассе кончились билеты и водитель будет минут пять заряжать дьявольский механизм и ещё столько же лязгать рычагом, проверяя исправность кассы.

К его удивлению, трамвай заныл, задрожал, закрыл двери и, звякнув, рванул с места. Навстречу летели зелёные светофоры, а одну остановку водитель просто пропустил, рявкнув в микрофон: «На Завалдайской не сходят? Проедем...»

Следовательно, предчувствие обмануло. Ему предстоял вовсе не чёрный, а самый обыкновенный, рядовой понедельник.

* * *

В отделе его встретили понимающими улыбками. Человек, панически боящийся опоздать на работу и всё же опаздывающий ежедневно, забавен, даже когда ухитрится прийти вовремя. Начальник нахмурил розовое юношеское чело. Сегодняшнюю пятиминутку он собирался начать с разговора о производственной дисциплине и — на тебе! — лишился основного наглядного пособия.

— Ну что ж, начнём, товарищи...

Начальник встал.

— Сегодня, вижу, опоздавших практически нет, и это... э-э-э... от-ратно. Но конечно, в целом по прошлой неделе показатели наши... тревожат. Да, тревожат. Некоторые товарищи почему-то решили...

Все посмотрели на некоторого товарища. Кто со скукой, кто с сочувствием.

Некоторый товарищ терпеть не мог своего молодого, изо всех сил растущего начальника. За апломб, за манеру разговаривать с людьми, в частности — за возмутительную привычку отчитывать при свидетелях. Ясно: добреньким он всегда стать успеет, а на первых порах — строгость, и только строгость. А к некоторому товарищу придирается по той простой причине, что товарищ этот — недотёпа. Видя начальника насквозь, точно зная, что следует ответить, он тем не менее ни разу не осадил его и не поставил на место. Почему? А почему он сегодня утром не подхватил падающий стакан, хотя вполне мог это сделать?

На восьмой минуте пятиминутки дверь отдела отворилась и вошла яркая женщина Мерзликина. Вот вам прямо противоположный случай. Ведь из чего складывается неудачник? Вовсе не из количества неудач, а из своего отношения к ним.

Итак, вошла яркая женщина Мерзликина, гоня перед собой крупную волну аромата. Начальник снова нахмурился и, не поднимая глаз, осведомился о причинах опоздания.

Мерзликина посмотрела на него как на идиота.

— Конечно, проспала, — с достоинством ответила она, и начальник оробел до такой степени, что даже не потребовал письменного объяснения.

На беду, кто-то тихонько хихикнул. Ощувив крупную пробоину в своём авторитете, начальник принялся спешно её латать. Кем он эту пробоину заткнул, можно догадаться.

Нет, всё-таки это был чёрный понедельник.

— ...другими словами, всё дело исключительно в добросовестном отношении к своему... э-э-э... делу, — не совсем гладко закончил ненавистный человек, и в этот миг его галстук одним рывком выскочил из пиджака.

— Извините, — пробормотал начальник, запихивая обратно взбесившуюся деталь туалета.

Услышав, что перед ними за что-то извиняются, сотрудники встретились, но оказалось — ничего особенного, с галстуком что-то.

— У меня всё! — отрывисто известил начальник и сел.

Он был бледен. Время от времени он принимался осторожно двигать шеей и хватать себя растопыренной пятернёй пониже горла.

Короче, никто из подчинённых на эпизод с галстуком должного внимания не обратил. Кроме одного человека.

Ему захотелось взять начальника за галстук. И он мысленно взял начальника за галстук. Он даже мысленно встряхнул начальника, взяв его за галстук. И вот теперь сидел ни жив ни мёртв.

Как же так? Он ведь даже не пошевелился, он только подумал... Нет, неправда. Он не только подумал. Он в самом деле взял его за галстук, но не руками, а как-то... по-другому.

Он спохватился и, рассерженный тем, что всерьёз размышляет над заведомой ерундой, попытался сосредоточиться на делах служебных. Да мало ли отчего у человека может выбиться галстук!

Ну всё. Всё-всё-всё. Пофантазировал — и хватит. И за работу. Но тут он вспомнил, что случилось утром, и снова ощутил этакий неприятный сквознячок в позвоночнике. Перед глазами медленно-медленно закувыркался падающий стакан и замер, подхваченный...

Он выпрямился, бессмысленно глядя в одну точку, а именно — на многостержневую шариковую ручку на столе Мерзликиной. Самопишущий агрегат шевельнулся и, подчиняясь его лёгкому усилию, встал торчком.

Мерзликина взвизгнула. Перетрусив, он уткнулся в бумаги. Потом сообразил, что именно так и навлекают на себя подозрения. Гораздо естественнее было полюбопытствовать, по какому поводу визг. Мерзликина с округлившимися глазами опасно трогала ручку пальцем.

Происшествием заинтересовались.

— При чём здесь сквозняк? — возразила Мерзликина. — Что может сделать сквозняк? Ну, покатить, ну, сбросить... И потом, откуда у нас здесь сквозняк?

Она успокоилась лишь после того, как её сосед разобрал и собрал ручку у неё на глазах. Там, внутри, обнаружилось несколько пружинок, и Мерзликиной, как истой женщине (тем более — яркой), этого показалось вполне достаточно. Вот если бы пружинок не было, тогда, согласитесь, вышла бы полная мистика, а так — всё-таки пружинки...

Значит, не померещилось. Значит, всё это всерьёз и на самом деле. Но откуда? С чего вдруг могли в нём проснуться такие сверхъестественные, или, как это сейчас принято говорить, — паранормальные, способности? Прорезались с возрастом, как зуб мудрости?

Лукина Л., Лукин Е.

Л 84 Разбойничья злая луна : роман, повести, рассказы, эссе / Любовь Лукина, Евгений Лукин. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 1248 с. — (Фантастика и фэнтези. Большие книги).

ISBN 978-5-389-23207-5

Поэт в России больше, чем поэт. Эту летучую фразу авторства Евгения Евушенко повторяет всякий, кому не лень, когда заходит разговор о поэзии. О фантастах так почему-то не говорят. Это несправедливо. Фантаст в России больше, чем фантаст. Бывает даже, что он больше самой фантастики. Не всякий, конечно. Круг таких писателей невелик. Иван Ефремов, братья Стругацкие, Владислав Крапивин, Кир Булычёв, Борис Штерн, Михаил Успенский... К этому редкому меньшинству по праву относится и Евгений Лукин. Фантастика для него — прибор наподобие лесковского мелкоскопа: глянешь в его глазок и увидишь, что возле блохи на подносе ещё и ключик лежит. Читать писателя Лукина — радость и удовольствие. Радость от качества его прозы, удовольствие — от шутовской атмосферы, в которой обитают его герои. Читаешь его и видишь, как вдруг тебе со страницы то лукаво подмигнёт Гоголь, то покрутит пальцем у виска Салтыков-Щедрин, то вильнёт где-нибудь между главок хвост кота Бегемота.

Первые рассказы и повести Лукина написаны вместе с Любовью Лукиной, супругой писателя, увы, в сорок шесть лет безвременно ушедшей из жизни.

Если начать считать все премии и награды, которые получал Лукин с начала своей писательской деятельности, собьёшься уже где-то на пятом или шестом десятке. Их у него за сотню. «Аэлита», «Странник», «Бронзовая улитка», «АБС-премия», Интерпресскон, Роскон, имени Ивана Ефремова, Беляевская премия, «Золотой Остап» и множество разнообразных других. Даже «Литературной газетой» однажды он был объявлен лауреатом премии «Золотой телёнок» за свои иронические стихи. А в 2015 году Лукина удостоили почётного звания Грандмастера европейской фантастики.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-445

Литературно-художественное издание

ЛЮБОВЬ АЛЕКСАНДРОВНА ЛУКИНА
ЕВГЕНИЙ ЮРЬЕВИЧ ЛУКИН

РАЗБОЙНИЧЬЯ ЗЛАЯ ЛУНА

Ответственный редактор Александр Етоев
Художественный редактор Егор Саламашенко
Технический редактор Валентина Дик
Компьютерная вёрстка Михаила Львова
Корректоры Александр Киселёв, Людмила Дубовая,
Людмила Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 23.05.2023. Формат издания 60 × 88^{1/16}.
Печать офсетная. Тираж 3000 экз. Усл. печ. л. 76,44.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»

Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

Информация о новинках и планах на сайтах:

www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

H-FFB-32158-01-R